

РАКУРС

1/90, СЕНТЯБРЬ

ВЫХОДИТ С 1990 г.

В НОМЕРЕ:

Александр Адамович - Путь назад невозможен

Возвращение "Архипелага ГУЛАГ"

Шесть вариантов развития СССР
по Уолтеру Лакеру

Игра в покер по-научному. Л. Радзиховский

ЗЕЛЕННЫЕ: ПРОБА СИЛ

Нет гарантий, что 100-летие Жумахана
Кудерина не будет сорвано

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

СТАТЬЯ 19 ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Златкович

У Вас в руках - первый номер литературно-художественного и публицистического журнала независимых мнений. Редакция журнала надеется, что РАКУРС привлечет и заинтересует Вас своими материалами.

Что же мы собираемся предложить Вашему вниманию?

Восстановление исторической правды о преступлениях тоталитарной системы, прочно обосновавшейся в нашем государстве, публикация списков жертв массовых репрессий, начиная с 1917 года, воспоминания уцелевших в страшные годы террора, правозащитное движение и права человека, - все это найдет отражение в разделе ДОСЬЕ МЕМОРИАЛА.

На страницах раздела ЗЕЛЕННЫЙ МИР будут печататься экологические материалы, касающиеся местных - проблемы Алма-Аты, Казахстана, - и международных тем. Так, в ближайших номерах мы расскажем о тревожной ситуации, связанной с горой Кок-Тюбе, трагическом фарсе /вот уж поистине, слезы и смех - всегда рядом!/, разыгранном на одном из заводов Павлодара, будут опубликованы оригинальные переводы с английского, венгерского о деятельности зеленых в этих странах.

В разделе ЛИТЕРАТОРСКИЕ МОСТКИ Вы найдете наиболее известные /и неизвестные совсем/ произведения современной прозы, поэзии, драматургии. Все это называлось раньше "андерграунд", по разным причинам не попадающий читателю, тем более - нашему читателю.

В замыслах редакции - сотрудничество с писателями казахстанского "Апреля", другими представителями независимой литературы.

На страницах РАКУРСА Вы найдете критические и публицистические материалы, обсуждающие наиболее важные и сложные аспекты нашей беспокойной жизни.

Мы будем печатать документы из личных архивов и архивов МЕМОРИАЛА, освещающие черные дыры истории нашей родины, а также версии, гипотезы, предположения по тем или иным историческим моментам.

Как нынче принято говорить - в портфеле редакции оригинальные переводы с английского романов самых захватывающих жанров - детективы, фантастика.

И последнее - Ваши отзывы, предложения, статьи и другие материалы шлите нам по адресу:

480096 Алма-Ата, абонентский ящик № 97.

РЕДАКЦИЯ РАКУРСА

Открытое письмо

ПРЕЗИДЕНТУ СССР

М.С. ГОРБАЧЕВУ

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

Рабочая коллегия Всесоюзного общества МЕМОРИАЛ считает необходимым обратиться к Вам в связи с президентским Указом от 25 июля с. г. "О запрещении создания вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, и изъятии оружия в случаях его незаконного хранения".

Являясь массовым движением, отвергающим насилие во всех его формах и стремящимся к построению гуманистического правового общества, МЕМОРИАЛ не может не разделять Вашей озабоченности возникновением в стране самочинных вооруженных формирований. При менее сложной правовой и политической обстановке издание и проведение в жизнь подписанного Вами Указа были бы вполне оправданы. Однако в настоящей ситуации при применении этого Указа важно, на наш взгляд, учитывать следующие факторы:

Непосредственной причиной возникновения многих вооруженных формирований стало чувство незащищенности, возникшее у населения в ходе межнациональных столкновений последних лет. К сожалению, в отдельных регионах страны ни центральная, ни местная власть не сумели обеспечить безопасность граждан. Напротив, введение чрезвычайного положения в ряде районов сопровождалось актами насилия и произвола со стороны военных;

Правовой вакуум, возникший в результате осознания обществом неадекватности прежних структур власти, трудного процесса выработки новых форм государственного устройства, породил в общественном мнении ощущение переходности текущего периода. Значительная часть общества разделяет убеждение в необходимости пересмотра государственного устройства и разработки нового Союзного договора. Отсюда психологически объяснимое сомнение в легитимности тех решений центральной власти, которым, по нашему мнению, следовало бы быть не началом, а итогом нормализации.

Несомненно: к нормализации ведут политические, а не силовые решения. Во взрывоопасных регионах можно было бы использовать позитивный опыт мирных инициатив, принятых в сфере международных отношений. Этот опыт показывает, что оптимальный путь мирного урегулирования конфликтных ситуаций — организация переговоров с привлечением всех заинтересованных сторон. Особо ответственную роль в этом процессе призваны сыграть представительные органы существующих национально-государственных образований. Союзное правительство при их поддержке могло бы стать инициатором мирных конференций. Это укрепило бы его авторитет, обеспечило бы гарантии достигнутых соглашений, в которые непременно входило бы и разоружение формирований, действующих в обход союзных и республиканских законов.

Конечно, на время политических переговоров следовало бы призвать все существующие вооруженные формирования к достижению единственной цели — сохранению общественного порядка. Такой шаг привел бы к изоляции экстремистских группировок и укрепил бы авторитет центральной власти. Применение силы в отношении террористов было бы в этом случае оправдано и понято общественностью как действие, необходимое для обеспечения безопасности населения, защищенности человеческой жизни.

Если нормализацию сложившейся обстановки начать с применения силы, то, думается, это будет чревато катастрофическими последствиями: братоубийственной гражданской войной, вспышками терроризма, волнениями среди населения регионов, непосредственно пока не вовлеченных в межнациональные конфликты.

Рабочая коллегия Правления Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества МЕМОРИАЛ

В связи с вышеизложенным, мы настоятельно призываем Вас, Михаил Сергеевич, в качестве первого шага наложить мораторий на призывание силы при реализации Указа от 25 июля с. г. и незамедлительно приступить к подготовке переговоров в интересах политического урегулирования вооруженных конфликтов.

6 августа 1990 г.

МЕМОРИАЛ:

Принципы и пройденный путь

С 1 по 3 июня в Москве прошла конференция Всесоюзного историко-просветительского общества МЕМОРИАЛ. Конференция избрала Рабочую коллегию, Ревизионную комиссию, внесла изменения в Устав общества.

Полтора года прошло с тех пор, как была учреждена эта одна из самых авторитетных в Союзе и за рубежом общественных организаций, до сих пор остающейся "неформальной". О пути, пройденном МЕМОРИАЛОМ, о судьбе движения размышляет Андрей Токарев, член первой Рабочей коллегии.

Полтора года прошло после учредительной конференции нашего общества. Полтора года с того дня, как несколько очагов народного движения за увековечивание памяти о жертвах репрессий осознали себя единым целым, объединилось для того, чтобы не дать повториться кровавому прошлому. Сегодня Всесоюзный МЕМОРИАЛ — это 164 отделений и самостоятельных организаций, группы содействия и общества в 6 странах мира.

Тщетно мы будем искать точную дату зарождения МЕМОРИАЛА, начала сопротивления тоталитаризму, ибо всегда подавлению личности, уничтожению культуры, надругательству над демократией противостоял хотя бы один, хотя бы и очень слабый человеческий голос. Будь это голоса оп-

позиции в 20-х или правозащитников в 70-х, лагерного сопротивления 30-х или 50-х. Слабо доходившие из бездонных глубин — они давали надежду на то, что наступит когда-нибудь время, легкомысленно названное сегодня перестройкой.

Зерно, брошенное предшественниками МЕМОРИАЛА, проросло не каменной громадой памятника. Мы увидели живую ангажированную науку и стали собирать подлинную историю, историю людей — их голоса, вещи, документы, свидетельства страшного надругательства над собственным народом. И сегодня это десятки "мемориальных" архивов в Москве и Чернигове, Красноярске и Ленинграде, Харькове, Челябинске, Новосибирске, Ереване, Целинограде, Алма-Ате

и других городах.

Это "недели совести" - выставки и вечера восстановленной памяти в Оренбурге, Магадане, Мурманске и Иркутске. Сначала нас коробило это прямолинейное название - "неделя совести" - но, быть может, этой короткой, шокотерапией достаточно, чтобы хотя бы царапнуть чью-то уснувшую совесть. Мы видели наших стариков, бывших "зеков", оправданных или неоправданных официально, но не реабилитированных обществом, людей второго сорта, прозябающих на грошовую пенсию, стыдливо не замечаемых добропорядочными обывателями. Им не могли помочь даже самые грандиозные монументы, самые громкие слова.

И тогда МЕМОРИАЛ решил защитить их права, вернуть им отнятое государством, партией, обществом, Сострадание, заботу, помощь. Были созданы объединения лиц, подвергавшихся необоснованным репрессиям в Москве и Ленинграде, Новосибирске и Киеве, Одессе и Донецке. Сегодня это юридическая, медицинская, материальная помощь, это решение, путем взаимодействия с Советами разных уровней, путем привлечения спонсоров, различных проблем социального обеспечения бывших репрессированных. И это главный результат - все эти люди стали участниками движения МЕМОРИАЛ, участниками общей борьбы с наследием тоталитаризма.

Да, мы наслушались обвинений в политизации, в посягательстве на власть, в превращении МЕМОРИАЛА в политическую партию. Эти обвинения до сих пор раздаются и сверху и снизу. Но МЕМОРИАЛУ всегда было дело до выселенных с родной земли кавказцев, и до крымских татар, и до растоптанных властью пекинских студентов, и до национальных движений Прибалтики, Украины, Армении.

Мы гордимся тем, что под крышей МЕМОРИАЛА зарождались народные фронты и нынешние политические партии, что многоголосье МЕМОРИАЛА было плодородной почвой для ростков демократического движения во всей стране. Мы понимали, что говорить о законах и праве и не защищать их

делом - нечестно, невозможно. Поэтому и выходили пикеты МЕМОРИАЛА на московские площади, поэтому и избивали власти участников правозащитных демонстраций в Саратове, Горьком, Свердловске, Львове, Ленинграде.

Да, МЕМОРИАЛ, будучи историко-просветительским обществом, боролся за власть. За законную власть демократично выбранных Советов, против беззакония, произвола монополизировавшей власть партии, сросшейся с государством. И здесь были одержаны победы - в демократическом большинстве московского и ленинградского советов немало "мемориальцев". А главой львовского Совета стал председатель местного МЕМОРИАЛА. Наше общество представлено в Советах республик. Все сопредседатели Всесоюзного МЕМОРИАЛА, большинство членов Общественного Совета - народные депутаты СССР. Однако мы должны ясно представлять, что это не финал, а только начало долгой правозащитной работы МЕМОРИАЛА.

Мы начинали с прав жертв репрессий, мы пришли к выводу, что жертвой был весь народ. Все народы, их культуры. Перед нами страшное наследие невиданного в истории человечества геноцида. Правозащитная работа МЕМОРИАЛА, объединяющая все слои общества, все поколения, и направлена против последствий этого геноцида.

Мы не собираемся заменять один неправый суд на другой и призывать к народной расправе. МЕМОРИАЛ был и остается на стороне гуманного закона, на страже прав личности, прав нации, общечеловеческого, нравственного императива. Отрицая партийную односторонность, мы всегда готовы защитить права политического, национального или культурного меньшинства, оказать любую помощь в защите этих прав.

"Мемориальцы" подтвердили конкретную работу эти принципы, тесно взаимодействуя с народными движениями Азербайджана или немцев Поволжья, Литвы или Армении, Украины или России. Мы работали и будем работать вместе с "Апрелем" и "Московской и Ленинградской трибуна-

ми", со "Шитом" и Объединениями избирателей, будем продолжать участвовать в формировании "Гражданского действия".

Вопрос о депортированных народах или о новой блокаде непослушной республики, о репрессиях против личности или репрессиях против культуры, политических, экономических, нравственных репрессиях - мы не делали различий между ними, не будем их делать и впредь.

Хотелось бы еще раз повторить, что энергия отрицания не была некоей страшной, разрушительной стихией. На месте разрушенного, отрицаемого, едва отодвинув обломки, мы начинали строить. Наша неформальная история, наша неформальная благотворительность, наша неформальная правозащитная деятельность - теперь со своей юридической службой, с наблюдателями МЕМОРИАЛА в очагах межнациональных конфликтов, неформальное участие в общедемократическом процессе - плоды этого строительства...

Так мы начинали. На площади и в архиве, в библиотеке и в камере. А

БЕГУЩАЯ СТРОКА — БЕГУЩАЯ СТРОКА — БЕГУЩАЯ СТРОКА — БЕГУЩАЯ СТРОКА —

Как сообщил профессор, доктор юридических наук Валерий Михайлович Савицкий, выступая 9 сентября 1990 года на радио МАЯК, только с декабря 1934 года по 22 июня 1941 года в нашей стране органами НКВД было арестовано 19 840 000 человек 7 миллионов из них расстреляно.

МЕМОРИАЛ ПРОВОДИТ ЭКСПЕРТИЗУ

Нежелание нового депутатского корпуса столицы утвердить не глядя список судей, предложенный Московской судебной коллегией, обусловлено весьма серьезными соображениями. По просьбе избирателей-москвичей кандидатуры на посты районных судей тщательно проверяются двумя общественными организациями: "Московским Мемориалом" и Коалицией автономных

сегодня тысячи публикаций в стране и за рубежом - о МЕМОРИАЛЕ, против него - единицы, за него - большинство...

Нет государственного признания, нет регистрации, юридических прав у организации, отстаивающей общие равные права. Но созданы группы содействия МЕМОРИАЛУ в США, ФРГ, Англии, Польше, есть свои "Мемориалы" в Греции, Израиле, Чехословакии, создали свой "Мемориал" украинцы, живущие в США. Но чем-то мы очень напугали тех, от кого зависит наша регистрация в родной стране, тех, кто игнорирует само существование МЕМОРИАЛА, втайне ненавидя его. Наверное тем, что являем собой хотя бы только и символ крушения неправедной власти, грядущего торжества закона и справедливости. Тем, что защищая идеалы ненасильственного мира, действуя согласно конституционным принципам, согласно декларированному приоритету общечеловеческих ценностей, мы требуем тотального господства только одной могущественной силы - силы гуманизма и нравственности.

профсоюзом умственного труда и творчества СССР /КАПУТТ/. Как сообщили эксперты этих организаций, работа со списками велась ими совершенно независимо друг от друга. Тем не менее списки судей, мягко говоря, не вызвавших доверия экспертов, почти полностью совпали. Правовой инспектор КАПУТТ Борис Борисов заявил, что в его распоряжении имеются компрометирующие материалы, касающиеся профессиональной деятельности более чем шестидесяти московских судей. По его словам, все материалы подтверждены документами и свидетельскими показаниями.

/Мегаполис-ЭКСПРЕСС/

Возвращение честного имени

Жумахан Маусумбаевич Кудерин был выдающимся казахским биологом. Он родился в Семиреченской губернии в 1891 году. До 1917 года учился, работал, преподавал в школах, получил образование животноводско-скотовода. После 1917 года принимает активное участие в общественной жизни края, установлении Советской власти в Туркестане. Жумахан Кудерин был одним из 20 комиссаров Лепсинского исполкома, руководивших черкасской обороной во время гражданской войны. После восстановления Советской власти Кудерин занимался земельно-водными реформами в крае, будучи членом комиссии ТуркИКа занимался возвратом беженцев-казахов на родину после восстания в 1916 году.

Кудерин — автор ряда книг на родном языке — учебника ботаники, "Истории и родословия казахов", "Животноводства Казахстана" и др. Писал стихи.

Первый раз был арестован в 1930 году, сослан в Воронеж. Был освобожден досрочно по рекомендации М. Калинина, однако, вторично арестован в 1937 году. В 1938 году расстрелян как "враг народа". В 1957-58 г.г. реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Наш корреспондент встретился с дочерью Ж. Кудерина — Ларисой Жумахановной Кудериной, приехавшей в Алма-Ату хлопотать о проведении 100-летия со дня рождения отца, которое исполнится в сентябре-октябре будущего года.

— Лариса Жумахановна, расскажите о вашем отце.

— После восстановления Советской власти в 1920 году, Кудерин становится начальником Лепсинского уезда земледелия. Круг вопросов, которыми он занимался, охватывал земельно-водную реформу, разделение земли, возвращение беженцев-казахов из Китая, которые уехали туда после поражения восстания в 1916 году.

В 1924 году Кудерин был направлен на учебу в Ташкент, в Среднеазиатский государственный университет на сельскохозяйственный факультет, который он закончил в 1930 г. Но так как он был направлен на учебу уже взрослым человеком, то и там он продолжал преподавать в казахском детдоме № 5, где обучал беспризорных детей казахов, преподавал в Среднеазиатском коммунистическом университете, САКУ, и в организованном институте-Казахском институте просвещения /сейчас это КазПИ/.

В 1927 году, когда он был студентом САГУ, он выпустил первый учебник ботаники на арабском языке, который был напечатан в Москве.

В это время у него выходит несколько популярных книг о работниках сельского хозяйства, книги для детей. Кудерин собирал казахский эпос, сам писал стихи, написал книгу "История и родословия казахов", написал на трех языках — казахском, русском, латинском — книгу "Животноводство Казахстана" и Энциклопедию по техническим культурам, тоже на трех языках. Все эти книги были в 1937 году конфискованы.

В 1930 году, как я уже говорила, Жумахан Кудерин окончил САГУ и остался работать в Среднеазиатском хим. институте, САХИПИ, и на опытной станции в сентябре 1930 года он был арестован и отправлен в Алма-Ату.

Судила его тройка, обвинили его в принадлежности к контрреволюционной националистической организации, сейчас доказано, что такой организации не существовало. Кудерин просидел два года, а в 1932 году был сослан в Воронежскую область, там он работал в Львовском уезде. В 1934 году он сильно заболел — у него

открылся туберкулез, началось кровохаркание и его перевезли в Воронеж и положили в больницу. Там он встретился с моей мамой, ссыльной Насоновой Татьяной Георгиевной, которая привезла в больницу свою единственную сестру. Сестра умерла от рака желудка. Мама была одна в этом городе и он помог похоронить ей сестру. Вскоре они поженились. Жумахан обратился к Калинин, рассказал, в каком положении оказался, просил помощи. По личному распоряжению Калинина Жумахан был на год раньше срока освобожден из ссылки и они с моей матерью приехали в Алма-Ату. Это было в 1936 году. Здесь Жумахан устроился на работу в Казахский научно-исследовательский институт животноводства на должность старшего научного сотрудника. В стране было неспокойно. Министр земледелия Сыргабеков предложил директору института уволить Кудерина, на всякий случай — все-таки человек судимый.

После долгих поисков работы Кудерин устроился агрономом-инспектором в трест "Каучуконос".

21 мая 1937 года Жумахан был вторично арестован и обвинен по статье 58 — II. Ему инкриминировалось руководство националистической антисоветской террористической группировкой "Алаш-Орда". Однако, еще в 1919 и 1921 гг. вышли постановления ВЦИК, по которому члены Алаш-Орды были реабилитированы и им разрешалось работать в советских и партийных органах. Но об этих документах и тогда мало кто знал, и сейчас мало кто знает.

В 1987 году я обращалась к Колбину, бывшему тогда первым секретарем КП Казахстана с просьбой о реабилитации первого поколения казахской интеллигенции. Ответ мне прислали весной 1989 года из института истории партии за подписью директора института Тулепбаева. Мне отвечают, что все, о ком Вы просите, не могут быть реабилитированы, так как являются членами антисоветской организации "Алаш-Орда". Тов. Тулепбаев, будучи директором института истории партии, не мог не знать, что

алаш-ординцы реабилитированы еще в 19-м и 21-м годах.

— Лариса Жумахановна, как сложилась дальнейшая судьба Вашей семьи?

— В 1937 году, когда арестовали папу, нас выселили из квартиры, маму уволили с работы. Она педагог, работала в школе № 16, тогда вместе с ней работал Юрий Осипович Домбровский, он очень дружил с Жумаханом. Очевидно, они дружили еще и на той почве, что Жумахан только что вернулся из ссылки из Воронежа, а Юрий Осипович был сослан в Алма-Ату.

Семья наша состояла из четырех человек: бабушка, Насонова Мария Ивановна, брат Срым-ему было один год и девять месяцев, и я — мне было восемь месяцев. Маме сказали, чтобы выбирала любой город, кроме столицы, она подумала и выбрала Чимкент. Когда мы приехали в Чимкент, то оказалось, что мы не можем жить ни в одном режимном городе, и должны ехать в Пахтарал. Уже принудительно нас переправили в Пахтарал. Там мы пробыли какое-то время, потом переехали в Мерке. Ссылка — не дом отдыха,

было очень тяжело. На глазах у мамы в Пахтарале вымерли финны, которые туда были сосланы с Карельского перешейка. Их начала косить дизентерия, и за год они почти все вымерли от дизентерии, болезни печени, так как пили они воду прямо из арыков. Совхоза в Пахтарале тогда еще не было, его только строили, и все ссыльные женщины работали в степи, ломами долбили землю. Мама говорила, что совхоз там построен на костях. На работу ссыльных не принимали, мама хотела устроиться уборщицей в школу, но тогдашний директор Пахтарала Орлов, лауреат, орденосец, ей наотрез отказал, потому что она была социально-опасный элемент. Он ей так и сказал, что она не может работать даже уборщицей в школе, так как может плохо влиять на подрастающее поколение. Мама нигде не работала.

— На что же Вы жили?

— Ссылным привозили нераскрытые коробочки хлопка-курак и ма-

ма их чистила на дому. За это платили жалкие деньги, а так, в основном, жили за счет того, что продавали все вещи, привезенные нами в ссылку. Через год в Пахтарале скопилось большое количество ссыльных и маме разрешили в числе тех, кто отбыл по году в Пахтарале переехать в Мерке. Это был 1939 год.

С нами в ссылке была внучка Горького, дочь Зиновия Пешкова, жившего во Франции и усыновленного Горьким. Вот эта Лиза Пешкова, за нее хлопотала жена Горького, и еще одна женщина, Дина Васильева, помогли маме переехать в Мерке. В 1940 году она смогла переехать в Алма-Ату, когда окончился срок ссылки.

- Она знала что-нибудь о судьбе Вашего отца?

- Ей сказали, что он осужден на десять лет без права переписки. Теперь мы знаем, что это такое. А тогда она искренне верила, что он жив. Они писали везде за него и в 1947 году, когда закончился его срок, все время ждала, так всю жизнь и ждала, не вышла больше замуж. Мама писала и в ГУЛАГ, и Сталину.

Бабушка наша умерла 9 мая 1944 года от голода в Алма-Ате, год не дожила до победы. Жили мы очень голодно.

- Как Вы помните свое детство?

- Самое сильное ощущение от нашего детства - это голод и драки. Все дети нас с братом очень обижали, говорили, что мы дети вора, на нас было клеймо детей "врага народа", но дети это расценивали по-своему, считали, что мы "дети вора". Мы с братом все детство дрались, в нас бросали камнями, травляли собаками, причем бросали в нас камнями и взрослые. И вот недавно в Капале я встретила одну женщину, которая была меня в детстве. Теперь ее муж выступает на всех собраниях как почетный ветеран. Грудь у него увешана орденами и медалями - иконостас целый и он рассказал мне, что отца моего он не выдавал, а выдал Сулеева, что нашел он его в Нукусе на базаре и показал. /Сулеев был первым наркомом образования,

одним из первых педагогов-казахов, после стал первым секретарем горкома партии./

- Как Вы встретили в 1953 году смерть Сталина?

- Мне было тогда пятнадцать лет, я училась в техникуме в селе Турген. Сообщение о смерти Сталина услышала по громкоговорителю, который висел в центре села. Все рыдали и я вместе со всеми. Я была очень активной комсомолкой, у меня даже кличка была "идейная".

Мама в своей рукописи пишет о расхождении с братом. У них были очень тяжелые моменты, когда Срым чуть не ушел из дому потому, что считал, что мама ему врет об отце - мама всегда говорила только хорошее о папе, а брат очень возмущался, говорил, что Советская власть его не наказывает. Очень трудно ему было все объяснить. Он не мог этого понять. Кричал маме: "Это все твои штучки!". А потом прошел XX съезд партии в 1956 году, и студентам КазГУ, где учился Срым, тоже зачитывали закрытое письмо Хрущева. Когда Срым пришел домой, он был сильно потрясен этим письмом, и до самого конца жизни у него было чувство вины перед мамой.

- А как Ваша мама отнеслась к этому закрытому письму?

- В своей рукописи книги /а мама писала ее всю жизнь - о себе, о папе, о казахской интеллигенции/, она писала: "Я всегда верила, что так будет, но то, что я услышала, потрясло даже меня". То есть, они конечно, знали, что Сталин тиран, а потом, Вы знаете, в ссылке было много людей с разных концов Союза, знающих подлинную правду о Сталине, и они обменивались мнениями между собой. Но то, что моя мама услышала о расстрелах, о негласных пытках, об этих ужасах - настолько потрясло ее, что она долго болела. А вот если бы она сейчас узнала все то, что написано в наше время - даже не знаю, как бы она перенесла это.

- Вы пытались опубликовать рукопись Вашей матери?

- Все время пытаюсь, уже много лет, но пока безуспешно. В Казахстане не говорят - нам, мол, это не интересно, в России тоже не брали. Обращалась в "Простор", там тоже отказали. Им, по-видимому, интереснее печатать апологетику типа "Тайного советника вождя" Успенского. Словом, рукопись пока нигде не взяли, но я верю, что время ее придет.

- Лариса Жумахановна, я Вам могу сказать, что в дальнейшем мы планируем выпускать альманахи, состоящие из воспоминаний репрессированных и, возможно, опубликуем мемуары Вашей мамы.

- Это было бы очень хорошо.

- А как сложилась Ваша дальнейшая судьба? Ощущали ли Вы на себе клеймо дочери "врага народа"?

- Клеймо было все это время. Я закончила экстерном среднюю школу в Тургене, педучилище и поступила в КазГУ на геофак, училась там до 1960 года. То, что я дочь врага народа, я чувствовала все время, чувствую и по сей день, кстати сказать. Меняются ярлыки, какие-то постановления, установки, а в судьбе нашей семьи мало что меняется.

- В чем это ощущается?

- На работе и дома тоже сложности. До 1985 года работала в поисковой экспедиции, потом мне эту работу сорвали. Я ломала устои, существующие в поисковой практике, поэтому решили меня прихлопнуть.

- По-видимому, та система, которая так жестоко расправилась с Вашими родителями и с Вами и сейчас себя не изжила.

- Да, наверное, это так.

- Лариса Жумахановна, я знаю, что на следующий год Жумахану Кудерину исполнилось бы 100 лет. Скажите, пытались ли Вы отметить восьмидесятилетие, девяностолетие?

- Мы пытались отметить и пятьдесят, и шестьдесят лет и дальше.

Все эти годы я обращалась в ЦК. Писала об отце, представляла документы и я, и мама. Пока жива была, занималась этим мама. Потом уже я, когда одна осталась. Кроме меня и моих детей никого уже нет.

К восьмидесятилетию, правда, работала комиссия ЦК. Ученые Академии наук Казахской ССР дали положительное заключение. Это заключение вице-президент Сактаган Баишев свел до трех пунктов. Рукописи отца я носила академику Кенизбаеву, он нас с мамой встретил, упал на колени и сказал, что он - ученик Жумахана по Ташкенту, что он был в 5 интернате и что он все сделает, чтобы восстановить труды отца. А сам продержал рукописи книг Жумахана Кудерина 4 года, а потом сказал, что эти рукописи устарели и теперь никому не нужны. А сами они выпустили словарь и не указали моего отца в авторах. А он еще в 1936 году сдавал все слова на букву "А", но ни в одном словаре он в авторах не значится. Кенизбаев создал в своем институте комиссию, которая оценила словарные рукописи отца в пятьсот рублей. Это заключение они нам отдали, но деньги по сей день не заплатили.

- Эти люди и сейчас продолжают работать в науке?

- Думаю, что да. А девяностолетие сорвал бывший тогда директором института ботаники Байтулин И.О. Сейчас он вице-президент. И когда я уже в этом году была у нового президента АН Казахской ССР Султангазина У.М. он снова поручил проводить столетие Кудерина тому же Байтулину. Поэтому у меня нет никаких гарантий тому, что столетие будет проведено. Но я считаю своим долгом стучать во все двери. Другого у меня просто нет.

- Лариса Жумахановна, Ваша трудная жизнь, детство выработали у Вас и у Вашего брата активную жизненную позицию. Если можно, расскажите о своем брате. Я знаю, что он был известным альпинистом?

- Я думаю, что это у нас от мамы. Мама всегда говорила, что наш отец-

честный и чистый человек. Она гордилась отцом, а нас со всех сторон били за то, что мы — Кудерины. Это, очевидно, выработало такую вот позицию в жизни. Мы тогда отстаивали и свое имя и свое право. А брат был очень тонким, чутким, мягким человеком, и от всего этого он стал уходить в горы. Ему в этом мире было тесно и тяжело. Кроме того, физически он был слаб. Срым стал себя тренировать и в результате в 1962 году он стал первым казахом — чемпионом Советского Союза по альпинизму и получил золотую медаль за восхождение на пик Революции. А в 1963 году он погиб в горах...

Кроме того, он был поэт, журналист. Вообще, он был человек разносторонний, тонкий, и, очевидно, он в горах находил все недостающее ему здесь, внизу. При жизни он не публиковался, но в КазГУ вел секцию по альпинизму и потом все его ребята вошли на Эверест.

— Ваша мама и отец хорошо знали Юрия Осиповича Домбровского. А вы с ним встречались? Каким вы его запомнили?

— Моя мама работала в 16 школе в Алма-Ате, где Юрий Осипович преподавал русский язык и литературу и они дружили с моим отцом. А когда отца арестовали, Юрий Осипович работал в музее в парке, сейчас парк называется имени 28 гвардейцев-панфиловцев, хранителем. Мама туда к нему приходила, предлагала ему некоторые книги и справочники отца, нужные ему для работы. Ну, а потом мы уехали в ссылку и не встречались с Юрием Осиповичем. Он тоже снова был репрессирован и сослан, как он мне рассказывал — на Колыму. А в семидесятых годах, когда мама заканчивала книжку об отце, ей было важно восстановить беседу отца с Домбровским, когда они всю ночь проходили по Алма-Ате, о чем-то душевно беседуя. Она меня попросила заехать к Юрию Осиповичу в Москву и спросить, о чем же они тогда беседовали. Я пришла к нему домой. Он меня сразу узнал. Сказал мне, что

хорошо помнит моих мамушку и бабушку. Я сказала ему, что родилась после расстрела моего отца, что отца никогда в жизни не видела и хотела бы хоть что-нибудь о нем узнать. Юрий Осипович: "О, Ваш батюшка — это Чехов, мягкий, интеллигентный, вежливый и умный". Я тогда неудачно пошутила, сказав: "Чехов, только в казахском варианте". Домбровский очень рассердился, он не любил эти националистические издержки и сказал мне: "Слушайте, барышня! Чехов не бывает ни в каком варианте. Чехов — это всегда Чехов. А Ваш батюшка был Чехов, поймите это!" — хлопнул дверью и ушел в другую комнату. Я была пристыжена, долго-долго сидела. Потом успокоился, видно, вышел и говорит: "Вы меня так разозлили, так разозлили, как никто не мог разозлить. Как это вы, с виду умная женщина, порете такую чушь?". Он сказал, правда, слово поглубже, я уж не буду его повторять. А после этого мы с ним много раз встречались, он мне рассказывал об отце. В ту ночь, про которую меня просила узнать мама, они обсуждали вот эту самую энциклопедию животноводства Казахстана. Отец спрашивал у Юрия Осиповича совета, как у филолога, как ее построить, поскольку она должна была быть на трех языках — русском, казахском и латинском, как ее лучше скомпоновать. И это они очень горячо обсуждали. "А вообще-то Ваш батюшка был поэт. Он читал мне свои стихи, я читал ему свои. Вот такая ночная беседа была у нас в Алма-Ате". "Вы знаете", — говорит, — "барышня, я эту беседу запомнил надолго и вспоминал на Колыме. Очень часто я вспоминал тополя алма-атинские, которые росли вдоль арыков, их журчание, луну..."

Юрий Осипович очень любил Алма-Ату и мастерски описал ее в "Хранителе древностей" и "Факультете ненужных вещей".

Когда Домбровский умер, на похороны его, насколько я помню, был маленький, незаметный некролог и только в "Советской России". Руководство Союза писателей не участвовало в этих похоронах, а пройти было не так просто туда. Но похороны состоя-

лись. Хоронили Юрия Осиповича на Кузьминском кладбище. Народу было человек сто — много писателей, люди с Колымы. Выступал один человек, который сидел с ним вместе.

— Лариса Жумахановна, с 1978 года вы живете в Москве. Участвуете ли вы в работе московского МЕМОРИАЛА?

— Я считаю, что каждый честный человек должен, по крайней мере, поддерживать МЕМОРИАЛ. Когда я преподавала в МГУ, я вела там секцию туризма и когда мы поехали в поход с ребятами в Карелию, я рассказала, что в Кандапоге было много лагерей с заключенными. Ребята удивились и говорят, что зачем, мол, эта ахинея, ну, подумаешь, расстреляли человек сто, а теперь кричат и плачут. Меня это поразило — то, что наша молодежь совершенно не знает всех масштабов трагедии сталинизма. По крайней мере, в те годы, а это был 1978-й.

— Лариса Жумахановна, я знаю, что вы боролись за восстановление доброго имени Магжана Жумабаева.

— С Александром Лазаревичем Жовтисом нас объединяет борьба за Магжана Жумабаева. В 1969 году состоялось собрание преподавателей и студентов КазГУ, которое просило о восстановлении и возвращении поэзии Магжана казахскому народу. Тогда это собрание, к сожалению, потерпело поражение.

Наши семьи в 1936 году жили рядом, на улицах Кирова и Лесная, теперь это улица Мечникова. Магжан вернулся из ссылки в 1937 году из Карелии, куда он был сослан в 1928 году. С моим отцом у них были общие судьбы и они сильно дружили. Вместе обсуждали будущие книги.

У Магжана была такая "черная" тетрадь, куда он заносил свои наблюдения за змеями, он хотел написать книгу о змеях и религии, где каждую религию изобразить в образе змеи, с ее повадками, с ее особенностями, со всеми ее плюсами и минусами.

Магжан долго не мог устроиться на работу. В ссылке он получил специальность зоотехника и его оставляли даже вольнонаемным. Но из Казахстана пришло письмо от Сабита

Муканова: "Дорогой вы наш учитель! Как же вы можете оставаться где-то там... мы просим вас приехать к нам... Союз писателей гарантирует вам работу..." Как раз в 1937 году приближался столетний юбилей Пушкина, и Магжана приглашали работать над переводами, и вообще, мол, казахская школа не может остаться без своего учителя. Магжана это очень соблазнило и он переехал в Алма-Ату. Но ни Союз писателей, ни Муканов не помогли ему устроиться на работу. До последнего своего дня он нигде не работал. Моя мама в рукописи своей книги пишет, что вместе со своим другом Ильдесом Смазовым, преподавателем казахского языка в КазГУ (потом его оттуда выгнали) они ходили устраиваться на

работу. Сначала заходили в организации, где были вывески: "Поскольку, потом стали ходить по разным организациям. Они говорили, что грамотные, что могут делать любую работу. Им говорили: "Да, работа у нас есть". Но как только они показывали свои документы, им отказывали. Так они обошли все организации с вывесками и без, потом махнули на это рукой, пришли в НКВД и сказали, что они грамотные люди, но на работу никто их не берет, а семьям уже нечего есть, так возьмите нас в тюрьму, там вы хоть кормить будете. Им ответили, что срок пока не пришел. Когда, мол, будет нужно, мы вас найдем. Но мы вас можем устроить землекопальщиками за городом, рвы копать. Магжан предположил тогда, что рвы эти готовились для будущих расстрелянных в 1937-38 гг. Они отказались от этой работы. Так до самого своего ареста они нигде не работали.

В мае 1937 арестовали Магжана. Мама осталась с детьми и бабушкой. И вот Магжан до своего ареста все время приходил и помогал маме, воспитывал Срыма, разговаривал с бабушкой. Мама разделяла горе Магжана, а он сам ждал ареста со дня на день, очень беспокоился. Приходила его жена, Зелиха, она шла немного и на это они жили. Ну, а в декабре 1937 года арестовали Магжана. Больше он не вернулся.

Поэтому на том собрании в КазГУ были и моя мама и я — это был наш

долг — бороться за его честное имя. Ну, а потом, я знаю, опять были репрессии, тех, кто заступался за Магжана, уволили с работы. Это был 1968 год, танки вошли в Чехословакию, начиналось то время, что сейчас называют "застой". Оттепель закончилась.

За Магжана тогда заступился башкирский поэт С. Кудаш, он написал письмо в его защиту. В 1987 году я передала все материалы в журнал "Дружба народов", а в 1988 году в № 12 они были опубликованы, там же была опубликована выдержка из письма Сайфи Кудаша и вступительная статья. Статью я подписала именем Зелихан Жумабаевой, она тогда еще была жива и я считала, что первая публикация стихов Магжана должна быть за ее подписью. Потом появились публикации в Алма-Ате. Поэтому я думаю, что свой маленький долг перед Магжаном я выполнила.

Наш журнал в ближайших номерах начинает публиковать воспоминания людей, уцелевших в страшные годы сталинщины. Сейчас часто приходится слышать, что хватит, мол, писать и говорить о тех временах, что сейчас другие проблемы, и вообще надоело...

Мы, однако, считаем, что не может быть ни моральной, ни какой-либо иной "усталости" от этой темы. Это наш долг — хотя бы просто услышать ту бездну отчаяния, горечи, страданий, что выпали на долю целых поколений.

Мы обращаемся к людям, пережившим эти годы, которые смогли вырваться, выжить в сталинском ГУЛАГе, кто смог сохранить в себе светлый мир человеческого духа, —

присылайте нам Ваши воспоминания, дневники, документальные свидетельства. Все это будет по возможности опубликовано, собрано, сохранено для того, чтобы будущие поколения знали — ЧТО ТАКОЕ ГУЛАГ.

Наш адрес: 480096 Алма-Ата, абонентский ящик № 97

Путь назад невозможен

Алесь Адамович — это прежде всего, честные книги о войне: дилогия "Партизаны", повести "Кара-тели", "Последняя пастораль", "Блокадная книга", написанная вместе с Даниилом Граниным, это яркая антисталинская публицистика, за которую бывший прокурор Шеховцов попал в суд за оскорбления Сталина. Было это в 1988 году, а в 1989-м Адамович был единогласно избран одним из сопредседателей Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества МЕМОРИАЛ, а весной того же года — народным депутатом СССР.

Несмотря на свою огромную занятость /помимо всего прочего, Адамович — директор Всесоюзного института кинематографии/, он много времени и сил тратит на МЕМОРИАЛ. Вот и в этот раз все три дня участвовал в работе II Всесоюзной конференции МЕМОРИАЛА в начале июня. В один из перерывов конференции Александр Михайлович любезно согласился побеседовать с нашим корреспондентом.

Александр Михайлович! Не кажется ли Вам, что число участников предыдущей конференции "Мемориала" полтора года назад было несколько большим, чем в этот раз?

Здесь представлено, насколько я знаю, 108 городов — представительств, как видите, серьезное, а что нет той волны интереса и ажиотажа, который был на прошлой конференции, наверное, объясняется тем, что на прошлой конференции собирателем всех демократических сил был Андрей Дмитриевич Сахаров.

Изменилась ли концепция "Мемориала" за эти полтора года?

Концепция Мемориала только углубилась, она более четко определилась. Те люди, которые упрекали Мемориал в том, что он только копается в прошлом и уходит от других периодов истории, они судили со стороны, потому что нам важно было прорваться к легальности, утвердить себя. Мы только начинали. Любое первое слово остреем брать только главное. Но никто не собирался ограничиваться периодом от и до; вся широта подхода уже была заложена в самих основах Мемориала.

Как Вы отнеслись к программе Н.И. Рыжкова по переходу нашей экономики к рынку?

Н считая, что академик Богомолов и другие наши экономисты правы. Это или безграмотно поставленная проблема или неосознанное инстинктивное стремление аппарата /а во многом — и осознанное/ укрепить существующую систему; укрепление бюджета — за счет народа. То есть, это опять укрепление системы, а не переход к рынку. При переходе к рынку нужно дать, в первую очередь, возможность перейти не просто к предпринимательству, а к свободной деятельности на любом поприще. Что каждый мог заработать те деньги, которые он будет тратить при повышенных ценах. Так дайте же возможность эти деньги людям заработать, дайте им землю, возможность открывать предприятия... тогда люди будут догонять эти цены, но догонять не подачками сверху в виде компенсации, это же невозможно сделать. Я же видел в Польше, как люди стараются заработать деньги, и тем самым догоняют цены. Они делают это своим трудом и при этом появляются продукты, появляются товары.

в базисе. С конца 1990 года пойдет демонтаж базиса — приватизация собственности. Это — окончательный конец системы.

Перестройка — несомненное детище Горбачева. Александр II погиб, отстав от своих реформ. Горбачев набрал в грудь воздуха — он выходит на второй круг. Он хочет быть лидером, уже переступив через перестройку. Лидером в деле создания свободного общества.

Это безумно сложно. Ярузельский, очевидно, не удержится в качестве лидера Польши, хотя сделал для сегодняшней демократической Польши не меньше, чем Валенса. Да что там говорить — Черчилль, спасший Англию, не был избран премьером в 45-м году. Черчилль тогда сказал — это демократия, за это и воевали.

У нас сегодня не та ситуация... Нет той демократии, которой не страшна перемена лидера. Нет, никакие "правые" не смогли бы взять реванш, их ставки биты. Но вакуум, который образовался от ухода Горбачева или Ельцина, заполнится "левым хаосом". Но почему я вдруг вообще так бестактно заговорил про какой-то уход? Никто, вроде и не собирается.

Дело в том, что очевидно — новая задача на порядок труднее всего, что Горбачев делал раньше. От водки народ не отучишь — а насколько же он больше дорожит социальной сивухой, в виде "зря-платы", отсутствия конкуренции, рынка рабочей силы? Однако и обратно пути нет. Родовые схватки начались — вот только удастся ли стране родить, а Горбачеву принять свободное общество?..

Пока что он сделал два тактических верных шага. Перестал оглядываться /или делать вид, что оглядывается/ на аппарат и идеологических психопатов. Пошел на прямой контакт со своим единственным опасным конкурентом, тем самым еще увеличив его популярность — но, правда не меньше увеличив и свою. Как говорят бильярдисты, "разбил удачно".

Раздел /долом/ политических структур — всех этих парткомов и политотделов — вопрос даже не техники, а просто времени. Другую задачу пре-

дстоит решать Горбачеву: предотвратить бунт, связанный с понижением жизненного уровня, и не дать обломкам империи разлететься так, что их и не соберешь. Похоже, что тут не отделаешься новым союзным договором. Ельцин, кажется, прав, когда говорил в Вильнюсе о союзе суверенных государств — дешевле сегодня не отделаешься. Но каково место Горбачева в этом союзе? Нейтрализатор правых — было, единственный человек, авторитетный на Западе — это для министра иностранных дел, не для общенационального лидера, символ национального примирения — красиво, но непонятно...

Действительно масштабная, действительно достойная его роль Горбачева, по-моему, только одна: вновь, как в 1985-м году, стать лидером, лидером второго этапа. Взять программу, самую ясную и четкую из всех — и дать ее народу. И, одновременно, выступить гарантом сохранения социальной обеспеченности неимущих.

Для этого Горбачев должен "слева" обойти Ельцина. Ему придется в еще более резкой форме повторить этот царский поступок — не просто выйти из КПСС, но и возглавить новую партию, без которой ему сейчас политически не выжить. И времени чертовски мало.

Перестройка сделала свое дело. Перестройка должна уйти. Но два ее лидера — Горбачев и Ельцин — могут и должны остаться, возглавить первый этап построения свободного общества в нашей стране — стране наследственного тоталитаризма. В этом определенный залог, определенная гарантия от хаоса.

Левоник РАДЗИХОВСКИЙ

/Советский цирк/

Принимая

во внимание, что фраза "Реклама — двигатель прогресса" несколько не потеряла своей значимости за 1990 лет нашей эры,

поддерживая

реформы, направленные на переход страны к свободному рынку,

РАКУРС

начинает публикацию рекламных материалов по договорным ценам.

Предложения и заявки

принимаются по адресу:

480096 Алма-Ата, а/я №8 (97)

БЛЛЕТЕНЬ ИЗДАЕТСЯ АЛМА-АТИНСКИМ ОТДЕЛЕНИЕМ ВСЕСОЮЗНОГО ДОБРОВОЛЬНОГО ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА МЕМОРИАЛ

РАКУРС принимает рукописи, отпечатанные на машинке, в двух экземплярах, не рецензирует и не возвращает их.

МНЕНИЕ авторов публикуемых материалов может не совпадать с мнением редакции.

3-00

РАКУРС

РАКУРС

РАКУРС

РАКУРС

ОБЩЕСТВЕННО-
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
БЮЛЛЕТЕНЬ

РАКУРС

РАКУРС

РАКУРС

РАКУРС

РАКУРС

РАКУРС

*4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал
в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию
иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.*

Библиотека Международного Мемориала